

К Максиму Горькому за книгами

Это было на заре рабочего движения. Несмотря на казавшуюся неудачу сормовской и горьковской открытой первомайских демонстраций 1902 года, повлекших за собою многочисленные аресты и ссылки, революционное движение в Нижегородской губернии в 1903 году не только не сохратилось, но, напротив, росло и ширилось. Вслед за фабрично-заводскими кружками пропаганда охватила ремесленные слои — швейников, полиграфистов-печатников, жестянщиков, водопроводчиков и начала проникать в наиболее инертную массу торговых служащих — продавцов и конторщиков. Профессиональных союзов тогда еще не было, приходилось иметь дело с одиночками или с небольшими группами рабочих и служащих, объединенных в нелегальные вспомогательные кружки.

Для этих кружков требовалась агитационная и общая идейная литература, которая издавалась в недостаточном количестве. Центральный орган партии «Искра» был сравнительно редким гостем и в весьма ограниченном количестве. Издаваемые Центральным комитетом и Нижегородским губ. комитетом нашей партии прокламации разбрасывались нарасхват. Нужна была и художественная идейная литература, которая привучала начинающих мыслить «по-граждански» и знакомила с революционным движением.

Такие книги в небольшом количестве на книжном рынке все же были, но по цене (в 50 к. и 1 руб. за книгу) по тогдашним временам были мало доступны широкой массе рабочих и крестьян. Все свои книги, приобретенные на трудовые гроши, мы отдавали в пользование круж-

ков, брали из библиотек и клубов наиболее подходящие и нарочито «зачитывали» для той же цели. Но все это было каплей в море. Нужен был постоянный и надежный источник снабжения наших кружков идейной литературой, подобной «Песне о Соколе» или «Песне о Буревестнике» М. Горького, которые производили тогда на массы огромное впечатление.

И такой источник был, наконец, найден.

Помнится, в конце лета 1903 года, зашел я вечером к Я. М. Свердлову, по обычным личным делам. У него было двое или трое своих ребят и в числе их уже знакомые мне Ник. Гурвич и совсем молодой типографский рабочий Ал. Яцков. Разговор шел о слабом месте нашей работы — о книгах.

— Знаете что, ребята, видят оживленно сказал Яков Михайлович, — надо идти за книгами к Максимищу. Без него у нас дело не вынется. А он достанет, это наверное...

«К какому Максимищу?» — подумал я и вопросительно взглянул на Гурвича, который улыбался заметил: «Это он Максима Горького так величает» и одобрил затею Якова Михайловича.

Недолго думая, собрались мы и пошли впрямь — Свердлов, Гурвич и я. Мои товарищи были настроены деловито и весело, а я, признаться, робел. — Еще бы — идти к большому писателю прямо на квартиру и просить книг...

В базисы я не заметил, как мы прошли ряд улиц и очутились на Мартыновской; за Благовещенским училищем, перед нами вырос двухэтажный с большим мезонином дом Киршибаума, обсаженный деревьями. Мы попали владью — Алексей Максимович был дома. Встретил нас Горький в коридоре второго этажа с приветливой улыбкой:

— Ну, что, грачи, опять с дождиком?.. По этой фразе и по простому, товарищескому обращению с малыми спутниками, я понял, что Горький их уже знает, и мне стало как-то легче... А «грачи» возбудили во мне даже веселое настроение. В черных рубашках, в таких же сапогах и черных шляпах, к тому же оба спутника были очкастые (в синих очках). — мы действительно напоминали молодых грачей. Наблюдательный глаз писателя не пропустил этого. Но и сам Горький, подумал я, тоже похож на птицу, только не на грача, а на Сокола: высокий, острый, в черной оловянной блузе, подпоясанный кавказским ремнем, с черной шевелюрой волос, откинутых назад. Глаза серые, ясные и острые...

Алексей Максимович провел нас в столовую и спросил не хотим ли мы чаю. Мы отказались. Вскоре перешли в комнату, заполненную книгами, это был, очевидно, его кабинет. Там к радости моей, сидел знакомый студент — сыльный народник Вл. Морозов (впоследствии секретарь «Русского слова»), брат моего первого учителя и друга с.-д. Бориса Морозовина, арестованного жандармами и сосланного.

Як. Мих. Свердлов и Ник. Ис. Гурвич подробно изложили нужду в хороших идейных книжках и подчеркнули срочность этого дела... Алексей Максимович внимательно выслушал и просил рассказать, как идет работа среди фабричных-заводских и сормовичей и, как будто удовлетворенный ответами, сказал:

— Так, добре... Если связи и пропаганда пойдут и дальше в таком же роде и в таких размерах, да по всем городам, — наше самодержавие протянется несколько... к тому же и крестьяне уже начинают бунтовать. Ну, а на счет книжек не беспокойтесь: это дело мы обделаем... Напишу в Петер и Москву, к издателям, подберем все, что можно... А пока, вот, захватите все-что из этих...

С этими словами Алексей Максимович понатаскал из разных полок десятка полтора разных книг и брошюр и отдал нам.

«В другой раз придете — список занесете, каких книг надо», — добавил он. Потом, заметив мой разговор с Морозовым, спросил: «Новичок должно быть. — стеснительный. Ну, ничего, скоро обрастаете?... А когда Морозовин в шутку ответил, что я — не первая «жертва» Борюса, Горький рассмеялся и добавил: «Тем лучше, Борис дельный парень, только жаль. — часто сам жертвой жандармов становится. Замыкает»...

Прощаясь, Алексей Максимович крепко пожал нам руки и просил в случае нужды заглядывать, не стесняясь. Ушли мы от Горького с радостным настроением, довольные влажной беседой в книжках, которые мы несли с собой и еще более — ожидаемыми. Среди книг — были два тома сочинений самого Горького, две книжки Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, две книжки Короленко, «Лес рубят — пенки летят» — Михайлова, несколько книг по политической экономии.

А недели через две или три Яков Михайлович радостно сообщил мне, что получил от Горького «транспорт замечательных книг». А. М. выписал целый список (список два) книг, которыми мы обеспечили многих наших читателей-кружковцев на значительный срок. Книжки были действительно замечательные: кроме сочинений некоторых классиков и современных писателей — Толстого, Андреева, Куприна, Бунина, Серафимовича, Короленко и самого Горького, были любимые помощьям книги: «На рассвете» — Ежа, «Один в поле не воин» — Шиньгагена, «В одиночном заключении» — Фабесова, «Андрей Кожухов» — Кравчинского, «Червонный хутор» — Дмитриевой, «История одного крестьянина» — Шагилая и т. п., а также кипа книг по вопросам истории, полит. экономии и религии. Были книжки Доболубова, Чернышевского, Помяловского и некоторых поэтов.

Так великий писатель и друг трудящихся помогал нам и словом и делом.

А. БЕЛОЗЕРОВ.